

неполноценности у большинства людей. Причиной этому служит то, что цены на разнообразные мероприятия, которые должны повышать культурный уровень населения и способствовать сплочению горожан, очень высокие. Поход в театр, парк развлечений, дельфинарий, выставку, планетарий, на кинопоказ, концерт и т. д., люди откладывают, либо на потом, либо вообще, так как сейчас не имеют нужных средств на такие мероприятия.

Итак, горожане больших городов основную часть своего бюджета тратят на удовлетворение своих первоначальных потребностей. Реклама тому подтверждение, ведь она в основном сосредоточена на различных скидках, дешевых деньгах. Так же нельзя не отметить то, что реклама в метрополитене в ряде европейских стран отсутствует, а в Украине – это очень перспективный бизнес, один из наиболее эффективных и выгодных способов найти клиентов. Наш анализ показал: в метро практически доминирует коммерческая реклама; очень мало социальной рекламы (встречается только на Салтовской линии).

На наш взгляд, нужно менять систему рекламного маркетинга, уменьшая ее коммерческую составляющую, увеличивая, а порой заново создавая социальную рекламу, ибо она будет способствовать формированию городского социума и выступать его «социальным демпфером».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Радионова Л. А. Повседневность городской коммуникации / Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета, 14–15 апреля 2014 года: доклады / редкол.: Л. А. Закс и др.: в 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. – Т. 1. – 404–409 с.

2. Радионова Л. А. Городская повседневность как intersубъективные отношения // Місто. Культура. Цивілізація: матеріали VII міжнар. наук.-теорет. Інтернет-конф., Харків, квітень 2017 р. / [редкол.: М. К. Сухонос (відпов. ред.) та ін.]; Харків. нац. ун-т міськ. госп-ва ім. О. М. Бекетова, 2017. – С.108–119.

3. Радионова Л. Наружная реклама в коммуникативной системе города / Радионова Л., Радионова О. Материалы Международной научно-практической конференции «Корпоративные стратегические коммуникации: новые тренды в профессиональной деятельности». г. Минск 22-23 февраля 2018 года. Белорусский государственный университет. // Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. В. Луцинская (отв.ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – 195 с.

Михайлова И. А., ст. препод.,
*Харьковский университет городского
Хозяйства имени А. Н. Бекетова, Украина*

ЛЕГИТИМАЦИЯ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСИВНОЙ ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИИ

Особый интерес в социально-философской традиции представляет концепция делиберативной или дискурсивной демократии, развиваемая с конца XX в. в трудах немецкого философа Ю. Хабермаса. Это демократия

рационального дискурса, обсуждения, убеждения, аргументации и компромисса. Делиберативная демократия, в противоположность общественной демократии, конституируется как теоретическая идеальная модель, предполагающая ценностный анализ современных политических реалий.

Ю. Хабермас, создает идеальную модель демократии на основе коммуникативного дискурса. Концепцию Ю. Хабермаса в научной литературе по-прежнему считают исключительно идеальной, умозрительной. Однако следует отметить, что в реальной общественной жизни коммуникативных составляющих и осуществляемых на их основе дискурсов намного больше, чем кажется на первый взгляд. Участие индивидов в открытых обсуждениях, форумах, организованных при помощи сетевых компьютерных технологий, можно рассматривать в качестве предпосылки дискурсивной демократии. Граждане современного государства на сегодняшний день желают и в большей степени готовы к политическому дискурсу. Однако для полного осуществления идей коммуникативной демократии необходимо развивать и совершенствовать механизмы организации независимых собраний общественности, политического дискурса, достижения взаимопонимания и консенсуса, потому как без таких механизмов (процедур, по Ю. Хабермасу) не может быть нормального демократического процесса.

Прежде всего, Ю. Хабермас признает, что потенциал коммуникативных свобод, который питает демократическое правовое государство, на самом деле скрывает в себе анархическое ядро, поскольку современный жизненный мир развитых государств Запады оказывается децентрализованным образованием, характерным признаком которого является плюрализм частных интересов. Заложенный в фундаментальных понятиях теории коммуникации анархический импульс обнаруживает себя в социальной действительности в противостоянии фактичности и значимости в плоскости применения языка, сориентированного на взаимопонимание как таковое. Решить эту проблему, собственно, и призван механизм права, способный разгрузить коммуникативную деятельность членов общества, не ограничивая при этом пространства их коммуникативной социализации.

Теория коммуникативного действия отводит категории права центральное место и тем самым является содержательным контекстом для дискурсивной теории права Хабермаса.

Согласно теории коммуникативного действия, любую социальную интеракцию, которая исключает применение принуждения, можно рассматривать как обоюдное координирование планов действий акторов, т.е. исполнителей коммуникативного действия. Таким образом, определяются образцы социального поведения, а затем социального порядка. Если язык при этом является средством передачи информации, то координация действий предусматривает взаимовлияние субъектов целесообразного действия. Современное право способно выполнять функции социальной интеграции прежде всего индустриальных обществ, где доминируют отделенные субъекты, которые действуют в морально нейтральных рамках, заботясь каждый о своем

собственном интересе. Впрочем, право может удовлетворять функциональные нужды не только сложно организованных обществ; оно отвечает предельным условиям социальной интеграции, осуществляемой, благодаря согласию субъектов коммуникативного действия, т. е. благодаря приемлемости требований значимости. Современное право осуществляет смещение нормативных требований «морально разгруженных» индивидов на законы, которые обосновываются на допущении свободы действий. Легитимность здесь обеспечивает законодательная процедура, которая опирается на принцип народного суверенитета. Тем не менее, в современных обществах право может выполнять свою функцию стабилизации ожиданий только при условии, если оно сохраняет внутреннюю связь с социальноинтегративной силой коммуникативного действия.

Процедурная модель правосознания, которую отстаивает Ю. Хабермас, противопоставляя ее либеральной и социально-государственной парадигмам, основывается на взаимообусловленности принципов дискурса, демократии, морали и права. По мнению Ю. Хабермаса, право компенсирует недостаток силы, которой не хватает в морали. Мораль, в свою очередь, опирается на совесть стыд. Если нет совести, стыда, то право может заставить соблюдать минимальные этические нормы, даже тех людей, которые этически невменяемы.

Право поддерживает мораль принудительностью, а мораль поддерживает право авторитетом. Нормы, которые гарантированы правовым государственным принуждением, могут иметь для индивидов и моральное значение – в том случае, когда их придерживаются по велению совести, т. е. непосредственно из-за них самих, а не из-за страха к нормативным санкциям.

Право может постоянно обогащаться благодаря нормам социальной морали. Кроме того, в истолковании законов используют ориентиры, которые мы находим не в нормах законов, а в господствующих представлениях про справедливость. Мораль и право взаимно предполагают друг друга. Правовые нормы являются именно нормами, а не просто императивами, подкрепленные угрозой применения силы, потому что они допускают следование им не только из страха наказания, но и из уважения к закону. Право не сводится к морали. Не все вопросы, которые требуют и допускают правовое регулирование, имеют моральный характер. Мораль разрешает конфликты с позиции общего интереса.

В таком контексте система права в форме принципов и структур правового государства возникает как механизм институционализации политического дискурса общественности, который является проявлением процедурного демократического процесса, что предоставляет и правовой и политической власти их легитимность.

Когда Ю. Хабермас говорит о легитимации, то речь прежде всего идет о легитимации политического порядка и при чем только демократического конституционного государства. Он пишет: «Потребность в легитимации тех общественных порядков, которые характеризуются государственной организацией принуждения (и отличается, например, от господствующих

структур первоначального общества) вытекает уже понятие политической власти» [1, С. 52]. Медиумом государственной власти выступает право. Оно требует от своих адресатов не только уважения, не только фактического признания, но и претендует на то, чтобы это признание заслужить. Но современные государства характеризуются тем, что в них политическая власть конституируется в форме позитивного права, т. е. права, которое принуждает и приписывает.

Современные правовые порядки, по мнению Хабермаса, выстраиваются в основном из субъективных прав, которые предоставляют правовой личности законное поле для достижения своих целей. Поэтому в современном праве приобретает силу принцип Гоббса: разрешено все, что не запрещено. Из-за этого моральный универсум, не ограниченный социальным пространством и временами, распространяется на всех физических лиц в их жизненно-исторической целостности. С другой стороны, ограниченное в пространстве и времени правовое сообщество, объединяет своих членов настолько, насколько они принимают на себя искусственно созданную роль носителей субъективного права.

Современное право предоставляет своим адресатам свободу. Они могут рассматривать нормы лишь как фактическое ограничение поля своих поступков и стратегически вести себя в соответствии с предвиденными последствиями правонарушений, или же учитывать правовые предписания лишь из уважения к закону. Ю. Хабермас против такого порядка и говорит: «По крайней мере, должна существовать возможность соблюдения правовых норм не потому, что они принуждают к этому, а потому, что они легитимные. Значимость правовой нормы заключается в том, что государственное принуждение одновременно гарантирует легитимное правовое творчество и фактическое осуществление права. Государство должно гарантировать и то и другое – с одной стороны, легальность поведения лица, которая в основном придерживается санкционированных норм, а с другой – легитимность предписаний, которая всегда обеспечивает возможность соблюдения норм из уважения к закону» [1, С. 53].

Немецкий мыслитель выстраивал свою модель демократии, оттачивая ее положения в полемике с такими видными философами нашего времени как Дж. Роулз, Р. Рорти, Ч. Тейлор, К. О. Апель и др.

В свете этого особый интерес представляют дискуссия между «либералами» и «коммунитаристами», охватившей мировое научное сообщество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Габермас Ю. До легітимації через права людини // Ціпеліус Р. Філософія права. Габермас Ю. До легітимації через права людини. – Київ : Український філософський фонд, 1999. – С. 52–62.
2. Тур М. Г. Концепція права Ю. Хабермаса у контексті його комунікативної теорії // Філософська думка. – Київ, 1999. – № 6, – С. 85–95.
3. Тур М. Г. Права людини та суверенітет народу в фокусі комунікативної влади // Сучасність. – Київ, 2000. – № 5. – С. 54–69.

4. Тур М. Г. Контroversні лінії легітимації на засадах системної та комунікативної раціональності і спроба порівняння // Практична філософія, 2005, №4. – С. 107–119.

5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: АО «КАМІ», 1995.

Панченко Д. М., студентка
ф-т архитектуры, дизайна и изобразительного искусства,
науч. рук. – **Радионова Л. А.**, канд. филос. наук, доц.,
*Харьковский национальный университет городского
хозяйства имени А. Н. Бекетова, Украина*

ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Понятие города было создано человеком-философом, а воплощено в жизнь человеком-архитектором. Человек придумал Город, но теперь он стал зависимым от него в большей степени, чем второй. Город «говорит» с человеком, принимает или не принимает его предложения об обустройстве или перепланировке, конечно человек может пойти наперекор, руководствуясь только своим мнением, и тогда как объяснить множество неожиданных архитектурных решений и построек, и в то же время неосуществленных проектов.

Во все времена великие мыслители искали пути идеальной организации поселений человека, моделировали прогрессивное для своего времени устройство человеческого общества и в то же время стремились к достижению гармонии с природой. Идеи о взаимосвязи с окружающим миром выдвигались еще в древнем мире.

Основой в античной культуре были религия и мифология. Мифология была для древних греков содержанием и формой их мировоззрения, их мировосприятия, она была неотделима от жизни этого общества. Отражение этого в архитектуре: огромные ансамбли, построенные в этот период, посвящённые богам, настолько огромные, насколько боги были недостижимы и непостижимы для человека. Свободная планировка города, организация больших пространств площадей говорит о свободных жителях демократического полиса. После завоевания Греции Римом, изменилась форма правления, изменилась и архитектура. В центре внимания оказались не только боги, но и человек. Потребности римского общества породили много типов сооружений: амфитеатры, термы, триумфальные арки, акведуки, то есть здания, несущие не теологический характер. Получили новое архитектурное решение дворцы, особняки, виллы, театры, храмы, мосты, надгробные памятники. Рационализм, лежащий в основе римской архитектуры, проявлялся в пространственном размахе, конструктивной логике и целостности гигантских архитектурных комплексов, строгой симметрии и четкости. Воплощением мощи и исторической значительности императорского Рима были триумфальные сооружения, прославляющие военные победы (Форум